

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ — ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ —
КУЛЬТУРОЛОГИЯ: ВЗАИМНЫЙ ИНТЕРЕС
(ПАМЯТИ Ю. Н. СОЛОНИНА)*

Сообщение подготовила *А. К. И. Забулионите*

Резюме: На Круглом столе обсуждался статус культурологии как науки, ее место и роль в системе гуманитарных наук и естествознании. Ставился вопрос о взаимосвязи культурологии с философским знанием, в частности, философией культуры и философией науки. Определение культуры остается исходным в формировании конкретного образа культурологии и ее дисциплинарной структуры. Относительно определения культуры обсуждались два принципиальных ее понимания: ценностное истолкование культуры и культуры как уникального бытийного горизонта, подчеркивая идею ее уникальности и целостности. С этих позиций открываются разные перспективы в формировании научных алгоритмов культурологического познания.

Ключевые слова: философия науки, философия культуры, культурология, гуманитарные науки, естествознание.

Audra Kristina Zabulionite

PHILOSOPHY OF SCIENCE — PHILOSOPHY OF CULTURE —
CULTUROLOGY: COMMON INTEREST
(TO THE MEMORY OF YU. SOLONIN)

Resume: Status of culturology as science, its place and role in the systems of humanities and natural sciences were discussed at the round table. The question about relationships of culturology with philosophical knowledge, in particularly, with philosophy of culture and philosophy of science, had arisen. Definition of culture remains starting-point in formation of concrete image of culturology and its disciplinary structure. Two basic definitions of culture: interpretation of culture as value, and interpretation of culture as unique horizon of being, in the context of the idea of its uniqueness and whole, were discussed. Considering from these aspects, different perspectives of scientific algorithms of formation of culturalogical cognition are opened.

Key words: philosophy of science, philosophy of culture, cultural studies, Humanities, Science.

Забулионите Аудра Кристина Иосифовна, доктор философских наук, доцент кафедры междисциплинарных исследований и практик в области искусств, Санкт-Петербургский государственный университет.

Audra Kristina Zabulionite, Dr. Hab., docent, department of cross-disciplinary investigations and practice in the area of arts, Saint-Petersburg State University.

* Полный вариант материала Круглого стола публикуется на сайте Центра Фундаментальной культурологии: www.holism-culture.org.

8 июня 2014 г. ушел из жизни профессор Юрий Никифорович Солонин (1941–2014) — выпускник кафедры логики, ученик профессора И. Н. Бродского, многогранная личность, сочетавшая в себе блестящий оригинальный ум, яркий талант организатора науки и видного общественного деятеля.

В рамках Дней Петербургской философии 21 ноября 2014 г. состоялся Круглый стол «Философия науки — философия культуры — культурология: взаимный интерес», посвященный памяти Ю. Н. Солонина. Тема Круглого стола отнюдь не отражает полноты научных интересов ученого, но она соотносена с основным направлением его работ в последние десятилетия. Созданная Ю. Н. Солониным школа целостности в философии и науке оставила заметный след в петербургской и российской культурологической мысли. В проблематику культурологии, которая в постсоветском интеллектуальном пространстве начинает формироваться как университетская дисциплина и вводится в учебные программы практически всех специальностей, Ю. Н. Солонин привнес солидный багаж фундаментальной мысли и высокую логическую культуру. На протяжении ряда лет он вел полемику с М. С. Каганом о системности и целостности. Во многом благодаря этой дискуссии в аморфную безграничность культурологии была привнесена теоретическая, проблемная дифференцированность, что позволило Ю. Н. Солонину оказать заметное интеллектуально-формирующее влияние на культурологию в период крайне пестрых представлений о новой дисциплине.

Участие в Круглом столе принимали: докт. филос. наук, профессор И. Б. Ардашкин (Томский политехнический университет), докт. филос. наук, профессор С. С. Гусев (С.Петербургский научный центр РАН), докт. филос. наук А. К. И. Забулионите (СПбГУ, факультет свободных искусств и наук), докт. филос. наук, профессор Э. Ф. Караваев (СПбГУ, Институт философии), докт. филос. наук, профессор Л. А. Коробейникова (ТГУ, Институт искусств и культуры), докт. филос. наук, профессор Б. И. Липский (СПбГУ, Институт философии), докт. искусствоведения, профессор Л. М. Мосолова (РГПУ

им. А. И. Герцена), канд. ист. наук, доцент В. М. Монахов (СПбГУ, факультет свободных искусств и наук), докт. филос. наук, профессор В. Н. Порус (НИУ ВШЭ, Москва, философский факультет), докт. филос. наук, профессор Я. А. Слинин (СПбГУ, Институт философии), канд. филос. наук, доцент Л. Г. Тоноян (СПбГУ, Институт философии), докт. филос. наук, профессор Г. Л. Тульчинский (НИУ ВШЭ, С.-Петербург, департамент прикладной политологии). Ученый секретарь — Е. В. Виноградова (Центр фундаментальной культурологии).

Определяя основные направления Круглого стола, **А. К. И. Забулионите** отметила, что весь XX век прошел под знаком нарастающего интереса к культуре в разных сферах знания и философской мысли. Однако возрастающий интерес к культуре не сопровождался возрастающим доверием к новой науке. Большие ожидания постепенно сменялись скепсисом: культурология как родилась, так и остается бескрайней и размытой. Лет десять назад на конференции «Культурология как сторгая наука» С. С. Гусев справедливо отметил, что культурология находится на стадии *прото-науки*. Изменилась ли по существу ситуация сегодня? Участникам Круглого стола были предложены четыре вопроса.

Первый вопрос: определение «культуры» и образ культурологии. Известны разные научные образы культурологии. В университетах Великобритании, США и Канады сложились и преобладают *cultural studies*. Иной образ культурологии складывается в России. Иные подходы требуются в изучении культур Дальнего Востока — категории, понятия, сложившиеся в европейской традиции, там не всегда продуктивны.

Второй вопрос: о дуализме наук и научном статусе культурологии. С точки зрения Ю. Н. Солонина, дуализмом наук нередко мотивируется уход от решения важных дисциплинарных вопросов культурологии. Каков же статус культурологии как науки? И какова мера объективности культурологического знания?

Третий вопрос: культурология и другие области знания. То, что культурология заимствовала у гуманитарных наук свои методы, порождает закономерный вопрос: имеет ли культурология собственный предмет и свои собственные методы научного познания? Или ее ждет участь раствориться в разных областях гуманитарного знания? Культурология и естествознание — вопрос о соотношении этих областей познания совсем не определен, хотя идея о том, что образ природы формируется в культуре, не вызывает особых возражений.

И наконец, *четвертый вопрос* — о взаимосвязи философии культуры и культурологии. Известна идея о невозможности открыть за индивидуальным многообразием и исторической случайностью отдельных культур *общую структуру пракультуры*. «Культура» не может быть *общим* понятием, существующим в себе, как абстрактное единство некоего рода, противостоящее частным случаям. Какова тогда эта не тривиальная взаимосвязь философии культуры и культурологии в дисциплинарной структуре? Возможна ли алгоритмизация в культурологическом познании?

Обсуждение предложенных вопросов начал **В. Н. Порус**, предложив разделить два основных подхода к определению культуры, и в зависимости от этого определять и понимание культурологии. К одному типу подходов относятся все те определения

культуры, которые понимают культуру как вторую природу, все то, что делает человек в отличие от естественного хода мировых событий. Ко второму типу можно отнести подход, который был когда-то инициирован классиками немецкой философии от Канта до Гегеля: понимание культуры как совокупности универсальных ориентиров мышления, поведения, деятельности. Если принять такой подход, то культурология — это область междисциплинарных исследований, проводимых различными науками о культуре. Что касается философии культуры, то она интересуется культурой именно во втором, кантовско-гегелевском смысле, как системой универсально-ценностных ориентиров, наличие и принятие которых определяет в основном всю систему жизнедеятельности людей, так или иначе относящих себя к этой культуре. Нельзя сказать, что эти области не пересекаются. Границы между ними условны. Здесь важнее обратить внимание на решение конкретных проблем, которые и диктуют, какие интеллектуальные ресурсы следует привлечь.

Л. М. Мосолова выразила несогласие с точкой зрения В. Н. Поруса и отметила, что она не преуменьшает значения прикладных вопросов, но заниматься практическими проблемами в культуре не разрабатывая теории, по меньшей мере, странно. Выступившая отметила, что Ю. Н. Солонин говорил о двух основных подходах в изучении культуры: феноменалистском и эссенциалистском. Согласно этим подходам обозначились две точки зрения на культурологию.

1. Культурология не должна иметь никаких границ, это парадигма, в которую нужно включать все — публицистику, мистику, эссе, экзистенциальную проблематику в той мере, в какой она рассуждает о проблемах культуры постмодернизма. Такую точку зрения отстаивают А. П. Марков, А. С. Запесоцкий и его школа.

2. Культурология — строгая наука, это учение о культуре как системно-целостном явлении (М. С. Каган). В этом смысле она отличается от философии культуры, которая является дисциплиной мировоззренческой и решает вопрос о сущности культуры. Деятельностный подход дает возможность охватить культуру в целом — результаты всей деятельности человека (духовной, художественной, материально-технической и др.). Говоря о взаимосвязи культурологии и философии культуры, Л. М. Мосолова отметила их разные проблемные поля, разные методы исследования и три уровня постижения культуры — культуроведение, собственно культурологию и философию культуры. Каждый из этих уровней исполняет свои функции в познании. И как философия естествознания не заменяет естествознание, точно так же философия культуры не может заменять культурологию. Говоря о дуализме наук, выступившая поддержала точку зрения Э. С. Маркаряна, который, в отличие от баденской школы неокантианства, полагал, что можно обобщать и индивидуальное. Такая индивидуализирующая генерализация и присуща культурологии.

Л. А. Коробейникова обратилась к сравнению российской культурологии с англо-американской традицией *cultural studies*, которые представляют собой некое мультиплицированное поле исследований, включающее разные теоретические дисциплины: культурную антропологию, этнические исследования, феминистские концепции, социальные теории, исследования коммуникаций, литературоведение, искусствоведение, политико-экономические концепции, изучение культурных паттернов, теории

глобализации, неолиберализм, неоконсерватизм, интерпретации марксизма, консьюмеризм и многое другое. Отечественное культурологическое знание, также включающее в себя множество дисциплин, тяготеет, однако, к большей структурированности. Дисциплины, изучающие культуру, обычно подразделяются на два больших блока: история культуры и теория культуры. Если сравнивать российскую культурологию и *cultural studies*, наверно, единственное их сходство обнаружится в тяготении к междисциплинарности. Но на самом деле это дисциплины разные. Отечественное культурологическое знание более абстрактно и более ориентировано на диахронию, на историческое измерение, чем на исследования современной культуры, хотя в последнее время интерес исследователей к современной культуре возрастает. Западные культурные исследования вообще не затрагивают историю культуры и в основном направлены на эмпирическое изучение культуры, охватывающее небольшой исторический период — начиная с середины XX в. по настоящее время. При этом для *cultural studies* характерны интерпретации культуры сквозь призму политических теорий с установкой теоретиков отделить культурный тезис от культурного эссенциализма, утверждающего общую значимость культуры для нормативного теоретизирования. Научная проблематика культурных исследований столь разнообразна и включает в себя столь необъятный круг проблем, что представляет собой некий конгломерат достижений разных наук. Вопрос о целостности культуры здесь отсутствует. Они являются как междисциплинарными, так и антидисциплинарными, причем настолько смешаны, что их трудно квалифицировать и как строгий научный дискурс, и как философский.

В. М. Монахов в своем выступлении усомнился, можем ли мы говорить о дисциплинарных границах культурологии и ее собственных методах. Может быть, таковые и возникнут, а может быть, и нет. Он говорил об условности границ в реальности и сравнивал их с мембраной, имеющей свойство и разделять, и обеспечить граничную пропускаемость. Более ясна выступавшему перспектива междисциплинарности, которую он определил как условность границ и взаимодействие на разных уровнях. Культурология представляет собой систему, в которую входят разные гуманитарные науки. С ними она взаимодействует на разных уровнях. Относительно стратегии познания мира В. М. Монахов рассуждал о разномасштабности взгляда на мир, разделяя известный в научном познании системный подход. Приводя разные примеры, в сущности он говорил о таком системообразующем принципе, как активный центр.

Г. Л. Тульчинский, обратив внимание на растущий интерес к культурологии, констатировал, что отечественная культурология еще не готова ответить на вызовы времени, хотя начиная с работ Э. В. Соколова, М. С. Кагана из разнородных ингредиентов стала вырастать не просто междисциплинарность, но и нечто инвариантно дисциплинарное. Различение «культурологии» и «культуроведения» в принципе соответствует зарубежному различению респектабельных *theory of culture* и *cultural studies*. И если оставить за *cultural studies* («культуроведением») историю культур, их полевые исследования, прочую фактографию и описательность, то культурология предстает как «теория культуры» — наука о формировании и развитии самого феномена культуры, их механизмах и процессах, действующих в социо- и этногенезе, политической сфере и бизнесе. В этом плане наиболее удачным представляется предложенное

Ю. М. Лотманом понимание культуры как внегенетической системы наследования опыта. Перефразировав тартуского ученого, можно сказать, что культура представляет собой систему порождения, отбора, сохранения и трансляции социального опыта. Такая трактовка включает в себя как ценностное, так и деятельностное (технологическое) и «человекотворческое» понимание культуры. В этом случае снимается методологический «дуализм» и открываются горизонты широкого междисциплинарного синтеза в анализе культуры, точнее — ее многообразных проявлений и функций. А такой синтез не может обойтись без философского осмысления как самого феномена культуры, так и путей его изучения. Сам предмет культурологии возникает на пути междисциплинарного синтеза. Речь идет о ценностно-нормативной сердцевине любой культуры, которая всегда предстает как ценностно-нормативная система.

Б. И. Липский свое выступление начал полемикой с Л. М. Мосоловой и выразил сомнение в тезисе, согласно которому коль скоро культура представляет собой целостную систему, то должна существовать единая теория культуры. Он вспомнил об истории формирования культурологии как науки на рубеже XIX–XX вв., о том, что пока классическая философия исходила из монистической картины мира, которая опиралась на универсальность онтологических постулатов, универсальность методологии познания, универсальность системы ценностей, для культурологии места не было. Такое место возникает тогда, когда появляются работы, рассматривающие развитие культуры не столько как процесс конвергентный, сколько как процесс дивергентный (О. Шпенглер, Н. Я. Данилевский, А. Тойнби и др.). Тогда начинают формироваться представления о локальных системах: и онтологических постулатах, и методологических принципах познания, и ценностных ориентациях. В связи с этим выступивший обратил внимание и на «осевое время» К. Ясперса, одну из концепций, объясняющих переход от мифологического мышления (архаического способа «упаковки» опыта) к философии. В мировой истории мы имеем дело не с конвергентной, а дивергентной моделью, предполагающей возможность различных цивилизационных стратегий. Наличие и характер расхождений связаны со спецификой разных образов мира, которые формируются при переходе от мифологического к метафизическому способу построения мировоззренческих конструкций. Эти ментальные различия и ныне остаются регулятивами исторического развития конкретной цивилизационной модели, выявляя свои характерные сильные и слабые стороны. Следовательно, когда начинается формирование представлений о локальных культурах, у нас возможны различные культурологии, вырабатывающие свои системы познания: и методологические, и ценностные, и организационные. Поэтому отсутствие единой системы категорий, отсутствие единого категориального аппарата еще не делает часть науки ненаукой. Все культурологические исследования объединяются вокруг общего предмета, но методология исследования, система ценностных ориентаций различны. То есть универсальной общей теории культуры создать, скорее всего, не удастся.

И. Б. Ардашкин присоединился к мысли В. Н. Поруса об ориентации культурологии на практические проблемы, но в то же время обратил внимание и на парадоксальную ситуацию, которая складывается вокруг культурологии в технических вузах

в связи с принятием нового федерального государственного стандарта. В технических вузах сейчас ведутся поиски ее «полезности»: если культурологическое знание бесполезно в решении технических задач, то оно и не нужно. Выступивший подчеркнул, что найти свое место в структуре знания культурология может только через проблемно-ориентированный подход. Близка выступающему оказалась и другая точка зрения, согласно которой культурологии как таковой нет, есть много культурологий. Всеобщая культурология, может быть, и не нужна. Если не ограничиваться «полезностью» культурологии для технических проектов, то одну из возможностей практической значимости культурологии И. Б. Ардашкин усмотрел в «выстраивании» какой-то общности людей, например, для нашей российской самоидентификации.

Л. Г. Тоноян высказала мысль, что при всей сложности определения культуры, оно остается основополагающим понятием культурологии. Без ответа на вопрос «Что есть культура?» невозможно двигаться дальше. Выступившая предложила вспомнить историю понятия и этимологию слов «культура» и «культ». С точки зрения культурологии речь должна идти прежде всего о культе, о «возделывании» личности каждого человека. Понятие «личность» сформировалось в философии религии Августина Блаженного и Боэция: человек как личность стал определяться как образ и подобие Бога. В этом смысле можно поставить высочайшую задачу для культурологии: поиск путей приближения этого образа к первообразу. Исходя из такого понимания, выстраивается целая иерархия дисциплин, «возделывающих», возвышающих человека.

Относительно необходимости определить «культуру» **Л. Г. Тоноян** поддержал **Э. Ф. Караваев**, который в то же время возразил против «религиозного» истолкования «культуры» и вспомнил связь этого понятия с «агрокультурой». Он напомнил куновские характеристики дисциплинарной матрицы, а также критерии науки: систематичность, воспроизводимость, выводимость, прогнозирование, обобщение, проблемный характер знания, принципиальную проверяемость, критичность, ориентацию на практику. В культурологии, ее сегодняшнем состоянии, они реально не применяются. Говоря о специфике социально-гуманитарного знания, выступивший подчеркнул, что присутствие субъекта в процессе познания не означает непременно погрешность познания. Причем субъективный элемент не является сугубо специфичным для «наук о духе». Начиная с формулирования «антропного принципа» в астрофизике (А. Л. Зельманов, Б. Картер) стало понятным, что в «науках о природе» имеет место нечто похожее на то, что казалось присущим исключительно «наукам о духе». Аналогично и в построении эволюционной биологии в настоящее время присутствует «антропный принцип» (Е. В. Кунин). Выступивший выразил ожидание, что многое, касающееся терминологии, в изучении культуры, со временем будет разработано, и особо остановился на «таксоне», понятии, которое обозначает группу в классификации, состоящую из отчетливо представленных (дискретных) объектов, объединяемых на основании определенных общих свойств. Э. Ф. Караваев отметил, что таксономия относится к *метаклассификации*. Классификационная работа ведет к изменению как содержания, так и объема понятий, используемых в данной предметной области, иными словами, классификация является как целью, так и инструментом познания. Это известно еще со времен Дж. Ст. Милля, который обращал внимание на то, что классификация

заставляет идеи о предметах сопровождать одна другую, дает власть над уже приобретенным знанием и ведет к приобретению нового знания.

Я. А. Слинин прежде всего напомнил, что тема обсуждения — «культурология как строгая наука». Обсуждая науку — строгую науку, надо определиться, что мы имеем в виду под наукой. Если «строгая», то для нее обязательны элементарные логические методы: определение, деление и доказательство. Это те требования, которые логика внедряет в науку. Но начать надо с определения, иначе полемика заведет в тупик. Если *культурология* — значит наука о *культуре*, значит, надо прежде всего определить *это* понятие. Определить — означает выявить его существенные признаки. В словаре С. И. Ожегова сказано просто и понятно: «культура» — это совокупность достижений человечества в производственной, общественной и умственной области. На самом деле суть дела схвачена. Далее выявляются существенные признаки. Если они есть, то это и будет предметом культурологии как таковой. Вслед за определением следует операция деления. Мы можем делить культурологию на культурологии Китая, Индии, Средних веков... А дальше мы доказываем или не доказываем, ибо вид доказательств в гуманитарных и естественных науках различен. Но суть доказательства, любого, — переходить от истины к истине. Начинать надо с понятия, и если его нет, то нет и науки, даже если мы пользуемся этим словом. Это то, от чего предостерегал Аристотель в «Топике» и на что ориентировал Р. Декарт в «Рассуждении о методе». Если мы можем дать определение и найти существенные признаки культурологии, тогда она займет свое место среди других наук. А если мы не можем этого сделать, то мы даже не можем по отношению к ней пользоваться понятием «наука». В строго научном плане. Зачем логика нам рекомендует это сделать? Для того чтобы знать, о чем идет речь.

Относительно понимания «культуры» участниками Круглого стола были высказаны две принципиальные позиции: культура как ценности и культура как сотворенная человеком реальность, т. е. «не-природа», которую попытались истолковать как уникальный историко-мировоззренческий горизонт, как парадигму. Поскольку в философии познания понятие «парадигма» связывается в первую очередь с истолкованием Т. Куна, пришлось пояснять, в каком смысле его употребляют культурологи.

А. К. И. Забулионите отметила, что в отличие от Т. Куна, который понимал парадигму как дисциплинарную матрицу и применял это понятие для анализа научного знания, культурологи говорят о культуре как метафизическом взгляде, обращаясь к мысли Платона, к его пониманию пайдеи как правильности взгляда. Что касается типологического таксона культуры, выражающего целостность и уникальность культуры, то истоки этого понятия также ведут к Платону и Аристотелю, к понятию *παράδειγμα τῆς αἰδέας*. От представлений Платона о единственном истинном метафизическом взгляде, через идеи Лейбница (монадологию и теорию возможных миров), идею романтиков о культурной определенности бытия, наконец, через феноменологию Э. Гуссерля (сообщество монад) к хайдеггеровскому пониманию «временности» как онтологической структуре трансцендентальной субъективности формируются представления о плюрализме метафизических горизонтов, о культурах как уникальных горизонтах бытия. Эти вопросы относятся к философии культуры, от которой оторвать культурологию невозможно. Ибо наука работает с фрагментом реальности,

и вопрос целостности вне ее компетенции. Но культурология, если только она понимается не как сумма гуманитарных наук, должна представить свой предмет — целостную культуру. Центральное место идеи целостности в понимании дисциплинарности — это, наверное, один из главных признаков петербургской культурологии, во всяком случае того его направления, которое формировалось в плодотворной дискуссии Ю. Н. Солонина и М. С. Кагана. Здесь они были едины, и спор шел о разном понимании и концептуальном выражении целостности. Имея в виду центральное место идеи целостности в понимании дисциплинарности культурологии, выступившая и предложила идею типологического моделирования в культурологии — построение ситуативной модели, которая контролируется в двойной перспективе: с одной стороны, стандартами научной рациональности, с другой — реконструкцией историко-мировоззренческого горизонта уникальной культуры.

В. Н. Порус, придерживаясь ценностного истолкования культуры, оттолкнулся от мысли Т. Гоббса о необходимом характере природных законов и системе культурных ценностей, которая по отношению к индивиду (или группе) обладает силой принуждения. Ценностные ориентации в культуре поддерживаются только благодаря тому, что их принимает большинство, подчиняющее себе меньшинство. Культурные ценности являются ограничителями природных страстей, и в этом смысле они суть регулятивы и образуют программу «окультуривания», «очеловечивания». Но когда люди находятся под властью жизненных порывов, ценностные ориентации могут осознаваться как рамки, в которые культура втискивает их насильно. Но культура устанавливает именно те условия, при которых сталкивающиеся между собой различные (и даже враждебные) воли не аннигилируются, а сходятся в «великом культурном компромиссе». За этим следит «Левиафан» с его законами и охранительными структурами. Стало быть, культурное бытие — это взаимное приспособление всеобщих ценностей и принципов, с одной стороны, и частных устремлений — с другой. Если нарастают конфликты, культурные принципы перестают быть скрепами общественной жизни и ориентирами поступков, тогда их ценность падает. Человек перестает осознавать свою культурную идентичность как ценность. Напротив, культуру он воспринимает как то, что его соединяет с упадком, с кризисом, как «прах» старого мира, который нужно поскорее отряхнуть со своих ног. Отсюда следует, что культурная идентичность есть ценность только при относительно устойчивом равновесии между принципами и ценностями культуры и системой жизненных устремлений. Культурная самоидентификация — это не результат какого-то «одноразового» выбора, а постоянный процесс самоутверждения в этом выборе. В таком случае перед философией культуры и перед науками о культуре (культурологией) открывается новое проблемное поле. Надо не только исследовать, как культурные ценности входят в структуру сознания индивида и социальных групп, но и понять, что происходит, когда каркас подменяется симулякрами ценности. Если верно, что субъект и культура взаимоопределимы, то субъект-симулякр неотделим от культуры-симулякра. Они порождают друг друга, и это свидетельствует о смерти субъекта и конце культуры. Говоря о культурологии, В. Н. Порус отметил, что она является одним из самых очевидных примеров постнеклассического научного исследования. Ее важнейшая характеристика

заключается в том, что цели и ценности исследователя определяют результаты исследования. В этом смысле выбор философии культуры лежит в основании выбора исследователем той или иной культурологической теории. Именно философия культуры дает культурологу набор интерпретаций культурологических фактов. Поэтому конкуренция культурологических концепций во многом зависит от конкуренции культурфилософских оснований.

Рассуждая о критериях науки применительно к культурологии, **С. С. Гусев** отметил, что предложение М. С. Кагана о разведении двух областей познания — «культуроведения» и «культурологии» — в определенной степени может соответствовать двум связанным между собой, но и обладающим некоторой автономностью сферам науки — «история науки» и «философия науки». Выступивший, несколько схематизируя, предложил говорить об истории науки (и соответственно культуроведении) как о комплексе познавательных действий, направленных на изучение различных форм проявления конкретных процессов жизни науки в целом (и функционирования культуры в частности). Тогда сфера философии науки (в данном случае «культурологии») будет связана с выявлением универсальных характеристик изучаемого объекта и созданием его обобщенных моделей. В этом смысле культурология должна заниматься анализом теоретических оснований представлений о *разных типах культуры* и изучением факторов, определяющих как переход от одного типа к другому, так и взаимодействия сосуществующих типов культуры в рамках одного социально-исторического интервала. С. С. Гусев обратил внимание также на трудности, которые порождаются отсутствием общепринятого, однозначного определения понятия «культура». Один из возможных путей их преодоления может быть связан с нахождением специфики культурологической ориентированности. Философия науки задает видение этого типа познания как деятельности по производству специализированных знаний. Собственно научное познание выводит на первый план изучение устойчиво повторяющихся процессов жизнедеятельности природного мира. Поэтому естествоиспытатель стремится сформировать некий универсальный обобщающий закон, с помощью которого удастся связать множество эмпирически фиксируемых явлений. Однако нормы социального поведения в разных культурах и в разные исторические периоды могут существенно различаться, что значительно затрудняет создание их обобщенной модели. Представляется, что в сфере культурологии основным познавательным методом может стать «ситуационная логика», позволяющая выявлять контекстуальные особенности проявления общекультурных факторов. Типологизация культурных ситуаций должна обеспечить выявление определенных инвариантов, регулирующих различные формы культурной жизни. Тогда целью культурологического поиска должно стать решение проблемы *взаимной достижимости «возможных миров»*, выражающих реальное функционирование разных форм культурной жизнедеятельности. Создание модели таких связей должно способствовать формированию культурологии в качестве «парадигмальной» науки.

Подводя итоги, А. К. Забулионите отметила, что обсуждение актуальных для культурологии дисциплинарных вопросов было содержательным и интересным. Она поблагодарила участников за высказанные позиции и выразила надежду, что подобные встречи продолжатся в будущем.